

— Какая же гадость!

Произнеся это, Лян Су потянулась к управлению креслом-коляской, намереваясь двинуться вперед. В этот момент она по-настоящему жаждала убить, и Лян Юй едва успела её удержать.

Конечно, зрелище было отвратительным, но к чему такая бурная реакция? Неужели что-то конкретное её так задело? Лян Юй почувствовала укол раскаяния: ей следовало быть осмотрительнее в вопросах, касающихся сестры.

Она взмахнула рукой, приказывая телохранителям разобраться с этим, а сама развернулась к креслу и заглянула Лян Су в глаза:

— Всё в порядке, сестренка. Папа больше не позволит ему появиться у тебя на пути.

— Ничего не в порядке.

— Сестренка...

— Он оскорбляет тебя! Сестренка, он оскорбляет тебя! — Лян Су продолжала безуспешно пытаться совладать с коляской, а затем, поняв тщетность попыток, обхватила голову руками и разрыдалась. — У вас же помолвка... Как он смеет так себя вести? Сестренка, позволь мне подъехать, ладно? Я убью его, чтобы тебе стало легче.

Лян Юй не ожидала, что причина кроется в этом. Внезапно она поняла, что слова Лян Су о том, чтобы сломать ноги Гу Тинли, были сказаны всерьез.

Это... хотя этот Гу и не подарок, но разве он заслуживает подобного?

Лян Юй попыталась образумить её:

— Но я не возражаю.

— А я возражаю!

— Тогда, если я разорву помолвку, когда мы вернемся домой, так будет лучше?

Лян Су мгновенно притихла:

— Хорошо.

Лян Юй почувствовала, что её провели.

Гу Тинли стоял у входа в туристическую зону и глупо улыбался, совершенно не осознавая, что именно он натворил. Даже когда телохранители волокли его прочь, он продолжал выкрикивать: «Ваша старшая барышня любит меня!» и «Я будущий хозяин этого дома!». Вокруг было много людей, снимавших всё на видео, поэтому старший из телохранителей не позволил ему продолжать нести бред.

— Моя госпожа видела тебя всего один раз. И это было, когда она едва оправилась от тяжелой болезни, а ты своим появлением довел её до обморока. Если в тебе осталась хоть капля совести, перестань преследовать её, как наваждение.

Выражение лиц зевак мгновенно изменилось.

— О чем вообще говорить с этим безумцем? — подхватил второй телохранитель. — Она еще даже не совершеннолетняя, а он уже строит такие грязные планы!

Толпа ахнула, и самые вспыльчивые уже были готовы пустить в ход кулаки. Старший телохранитель решил ковать железо, пока горячо:

— Господа, не пачкайте руки, мы — профессионалы. Если вы успели что-то снять, лучше не выкладывайте это в сеть. Если это расстроит мою госпожу, нам будет трудно за это отвечать.

Несколько человек, уже собиравшихся опубликовать видео в соцсетях, остыли, хотя их взгляды, устремленные на Гу Тинли, стали ещё более колючими. Разумеется, слова телохранителя не могли подействовать на сто процентов. Видео всё же просочились в интернет, но семья Гу подавила их так жестко, что большого шума не вышло.

Что же касается настоящего момента...

После того как шоу закончилось, любопытство к главной героине никуда не делось. Те, кто порасторопнее, уже звали друзей покупать билеты и заходить в парк. Ся Юаньюань была в их числе. Они с соседкой по комнате и так собирались развеяться в даосском храме, билеты были куплены заранее, так что девушки оказались в числе первых посетителей.

Благодаря студенческому энтузиазму и напору они заметили оставшихся телохранителей и тут же бросились к уединенной горной тропе. Хоть их и попытались остановить, они успели увидеть Лян Су и Лян Юй.

В пятнистых тенях деревьев стояли две девушки в белых платьях, похожие на цветы: одна с низким хвостом, с улыбкой жестом приглашающая их подойти; другая — с распущенными

волосами и бледным, озадаченным лицом. Летнее солнце окаймляло их фигуры золотым сиянием.

Ся Юаньюань обменялась взглядом с соседкой — обе были поражены красотой девушек. А та, что с низким хвостом, ещё и позвала их! Как здорово!

— Вторая барышня... это... — телохранители чувствовали себя неловко под пристальными взглядами двух студенток.

Лян Юй махнула рукой:

— Ничего страшного, мы всё равно скоро уходим. К тому же у них нет дурных намерений, пусть подойдут.

— Слушаюсь.

Ся Юаньюань, чье желание исполнилось, покраснела от восторга — у неё в жизни не было других увлечений, кроме как любоваться красивыми людьми. Она думала, что сможет осуществить свою мечту лишь после стажировки, и не ожидала, что ей так повезет. Впрочем, обе девушки выглядели лет на восемнадцать, поэтому, общаясь с теми, кто младше, нужно было держать себя в руках:

— Э-э, можно с вами сфотографироваться? Я не буду выкладывать в сеть! Если вы против, то ничего страшного! Я... я просто спросила!

— Я не против... — Лян Юй прошептала что-то на ухо Лян Су, а затем с улыбкой кивнула: — Сестра тоже согласна. Фотографируйтесь.

Телохранитель с невозмутимым видом взял телефон и сделал десять снимков — один краше другого. Ся Юаньюань казалось, что она никогда ещё не выглядела так хорошо в объективе, а соседка, не удержавшись, попросила у телохранителя контакты.

Девушки ушли в приподнятом настроении. Лян Су задумчиво проводила их взглядом.

С тех пор она долгое время старалась сотрудничать с врачами. Прошло три месяца: физические раны затянулись, но душевный недуг не отступал. Побочные эффекты лекарств вызывали головокружение, тошноту и слабость, но мир, в котором она прожила семнадцать лет, слишком сильно отличался от нынешнего, и Лян Су было крайне трудно принять то, что врачи называли «правильным».

Она становилась всё молчаливее и угрюмее. Её состояние ухудшалось на глазах. Лян Юй ходила в университет, они виделись редко. Лян Тинсун и Чжао Инянь тоже были заняты работой, и хотя они отменили часть дел, чтобы быть с ней, и отношения действительно стали

лучше, большую часть времени Лян Су проводила в особняке одна.

Слуг в доме было немного, и поговорить ей удавалось лишь со старым дворецким. Врачи советовали ей чаще общаться с людьми, и семья Лян, желая порадовать её, устроила прием, чтобы познакомить её с ровесниками.

Вечером, появившись перед гостями в праздничном платье, Лян Су видела, кто из них искренне рад за её родителей, а кто пришел лишь посмеяться. Ей хотелось передуть этих крыс, выползших из подполья, но она не могла. Ей приходилось играть роль хрупкой фарфоровой куклки, вежливо здороваться, а потом, из-за бледного вида, возвращаться в свою комнату.

Она сидела на огромной кровати в одиночестве. На улице было темно и шел дождь, но в саду царил оживление. Она распечатала фото с теми двумя девушками и повесила на стену — когда настроение падало, она смотрела на них.

Лян Су искренне завидовала им. У них были свои заботы, но они не приносили страданий, и даже мелочи могли вызвать у них искреннюю радость. Ей хотелось приблизиться к ним, стать такой же. Но, казалось, это было невозможно.

Лян Су долго смотрела на фото, пока вновь не закралось подозрение: а не осталась ли она в том кошмарном мире? Быть может, недавняя радость была лишь приманкой, за которой последуют только одиночество и боль?

Если это так... стану ли я такой, как в тех романах? Мрачной, вспыльчивой, невыносимой, упрямой, отравляющей жизнь всем, кто меня любит?

Лян Су начала задыхаться. Она не хотела причинять боль своей семье, которую обрела с таким трудом, не хотела, чтобы кто-то из них погиб. Есть ли выход? Может... если я умру, всё наладится? Да, если я умру, проблем не будет. Мы ещё не успели слишком сильно привязаться друг к другу, они продолжат жить. Если я умру, всё станет хорошо.

Нож... где нож? Нет, нельзя, дворецкий спрятал все ножи... Что же мне делать?

Грохот — гром был глухим, словно предвещал беду.

Внизу показалась фигура. Совсем маленькая, казалось, её можно раздавить одним движением. В этот момент Лян Су не могла разобрать, кто это, она лишь внезапно осознала: она находится высоко, она может спрыгнуть.

Дышать становилось всё труднее, мышцы дрожали. Она попыталась открыть окно, но не смогла. Обида и отчаяние захлестнули её, Лян Су сползла на пол. Ей хотелось плакать, но слез не было.

Тук-тук. Тук-тук.

Хаотичные шаги за дверью напомнили ей чудовищ с топорами из древнего замка.

— Господин Гу! Господин Гу, вам нельзя туда!

— Дворецкий возмнил о себе невесть что? Если у вашей барышни плохое настроение, почему я не могу зайти? Я не просто хочу посмотреть, я хочу, чтобы она стала моей женой!

В сердце Лян Су зазвенели тревожные колокола. Чудовище пришло! Чудовище хочет убивать! Дворецкий в опасности! Я должна убить его!

Эта мысль придала ей сил. Превозмогая дурноту, Лян Су поднялась. Она начала рыться в вещах и, наконец, нашла подсвечник. Вынимая свечу, она случайно порезалась, но боль неожиданно принесла облегчение. Замерев на полсекунды, она решительно углубила рану — сознание прояснилось.

— Отвали, старый хрыч, ты правда думаешь, что я тебя не трону? — Гу Тинли, пьяный в стельку, ударил дворецкого ногой в живот.

Дворецкий охнул от боли, но не отступил:

— Барышня! В кабинет к господину! Спрячьтесь!

— Твою мать! Ты, старый пердун, ещё смеешь открывать рот?! — Гу Тинли замахнулся, намереваясь ударить дворецкого в лицо.

В этот момент послышался тихий голос Лян Су:

— Брат Гу, это ты?

— Я! — её появление привело Гу Тинли в восторг, он передумал драться и просто отшвырнул дворецкого в сторону. От удара головой тот не смог сразу подняться.

— Подойди ко мне, пожалуйста. Мне немного нехорошо, — голос Лян Су был таким нежным, что Гу Тинли расцвел.

— Моя милая, я знал, что ты любишь меня! — он взлетел на второй этаж, а приблизившись, начал картинно поправлять одежду. — Не вини меня, что я не приходил раньше. Твой отец презирает меня, да и эта твоя фальшивая сестренка всё пыталась нас разлучить!

Дворецкий закашлялся, пытаясь что-то сказать. А в следующую секунду он увидел, как Гу Тинли с криком покатылся вниз по лестнице.

Лян Су медленно подошла к верхней ступеньке. Её волосы растрепались, на бледном лице не было ни тени эмоций, лишь в глазах застыли безумие и жажда убийства. Половина её белого платья окрасилась кровью, а острый шип подсвечника зловеще блестел.

— Сумасшедшая... сумасшедшая! — Гу Тинли, чьи брюки пропитались кровью, в ужасе заорал на дворецкого: — Ты не видишь, что у меня нога ранена и течет кровь?! Почему ты не вызываешь людей? Ты хочешь смотреть, как она убьет меня?! Какая от этого выгода вашей семье Лян?!

Дворецкого прошиб холодный пот. Он боялся не того, что барышня причинит вред ему, а того, что сообщение об инциденте уже давно отправлено, и скоро все будут здесь. Если телохранители — свои люди, то с господином приедут и посторонние. Нельзя допустить, чтобы они стали свидетелями места преступления!

— Барышня! Успокойтесь! Не надо!

Лян Су, конечно, понимала, что так нельзя. В голове звучали голоса, умоляющие остановиться — то Лян Тинсун, то Чжао Инянь, и, конечно, Лян Юй.

— Сумасшедшая! Не подходи, не подходи!

Её тело было на пределе. Не успев спуститься, она упала на лестницу, но крепко сжимала подсвечник.

Двери внизу наконец распахнулись. Раздались яростные крики мужчин и женские вопли. Лян Тинсун, словно разъяренный лев, пнул Гу Тинли прямо к ногам его отца. Старик Гу долго тыкал в него пальцем, а потом, схватившись за сердце, упал в обморок.

Снова воцарился хаос. Но Лян Юй и Чжао Инянь это не волновало. Они хотели помочь Лян Су подняться наверх, но она тихо покачала головой:

— У меня нет сил.

— Мама тебя донесет.

Лян Су снова покачала головой. На её лице не было эмоций, но голос сильно дрожал:

— Я знаю, некоторые дяди и тети подумают, что это был приступ, и я ранила его в бреду. Но... но это не так. Это он... он хотел обидеть меня, и я схватила это. Я ничего не делала, я правда не знаю, откуда взялась кровь! Он... он сам испугался и упал, это не я... правда не я...

Лян Су уткнулась лицом в грудь Чжао Инянь. В холле стало пугающе тихо, слышны были только её непрерывные всхлипывания.

<http://bllate.org/book/20730/2075025>